УДК 811.512.141; 811.512.145; 811.511.151

DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2019.3.31

МАРИИЗМЫ КАК КОНТАКТЕМЫ В БАШКИРСКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ

© И. С. Насипов^{1*}, А. Г. Шайхулов², Н. А. Мукимова³

¹Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
Россия, Республика Башкортостан, 450008 г. Уфа, ул. Октябрьской революции, 3-а.

²Башкирский государственный университет
Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.

³Башкирский государственный университет
Стерлитамакский филиал
Россия, Республика Башкортостан, 453103 г. Стерлитамак, пр. Ленина, 49.

Тел: +7 (347) 287 99 91.

*Email: nasipov2004@rambler.ru

В тюркологии остается актуальным исследование механизма адаптации финно-угорских контактемов. В данной статье рассматриваются некоторые аспекты лексической адаптации мариизмов в башкирском и татарском языках. В ходе исследования установлено, что заимствованные лексемы из мари́йского языка в башкирский и татарский языки не скопированы, а адаптированы в лексико-семантическом, морфемном и словообразовательном уровнях.

Ключевые слова: башкирский язык, татарский язык, мари́йский язык, заимствование, контактема, адаптация.

Несмотря на то что в тюркологии и финно-угроведении имеется немало научных изысканий об историко-лингвистических контактах башкир, татар, чувашей с восточными финно-угорскими народами и была проведена попытка систематизации финно-угризмов в тюркских языках Среднего Поволжья и Приуралья (Г. В. Лукоянов, 1973; И. С. Насипов, 2009; Н. А. Мукимова, 2015), изучение механизмов адаптации контактемов в языках-адресатах остается актуальным.

Как определяет среди основных понятий лингвистической контактологии Йован Айдукович, «основной контактологической единицей во всех языковых уровнях является контактема», т.е. «активированный и/или отображаемый на определенном языковом уровне элемент языка-источника в языке-адресате». По его мнению, существует четвертая «теория трансфера», которая «предполагает активацию и отображение (т.е. адаптацию) лексических контактемов, возникших в структуре языка-адресата под влиянием языка-источника или доминирующего языка-источника». Согласно этой теории «в речи монолингвов перенесенное из одного языка в другой слово подвергается адаптации во всех языковых уровнях и результаты языкового воздействия можно представить шкалой – от полной интеграции до полного несовпадения языковых элементов» [1, с. 445].

Данная статья посвящена вопросу механизма адаптации мариизмов в башкирском и татарском языках в рамках исследования особенностей лингвистических контактов в Волго-Камском (Волго-Уральском) языковом союзе.

По результатам нашего исследования, характер башкирско-финно-угорских и татарско-финно-

угорских контактов определяется как междиалектный, т.к. прежде всего именно в диалектах или говорах наблюдается с незначительными фонетическими расхождениями семантическая тождественность заимствования со словом в языке-источнике. Так, ставшее общеупотребительным в географической терминологии многих тюркских языков татарское литературное и распространенное в северо-западном диалекте башкирского языка слово *алан* «поляна» восходит к мари́йскому *алан* «поляна», «специальная вырубка в лесу для поляны» или удмуртскому *алан* «лесная полянка, лужайка в лесу», «елань». Употребляемое в северо-западном диалекте *копишаңғы* «овод бычий» или *купишаңғы* «солдатик» и распространенное в демском говоре южного диалекта башкирского языка *купишаңғы* «жук», распространенное в группе говоров Нагорной стороны среднего диалекта татарского языка *купишанкы* «жук» соответствуют мари́йскому *копишаңге* «жук» или *капишанкы* «жук», «козявка», «букашка» из горного мари́йского наречия. Заимствованное из мари́йского *пүкен* «стул» или удмуртского *пукон* «стул, табуретка» с таким же значением слово *бүкән* зафиксировано в аргаяшском, дёмском, среднем, средне-уральском, сакмарском говорах башкирского языка и бирском, пермском, красноуфимском, нагорно-тарханском, златоустовском, мензелинском, глазовском, нукратовском, мордва-каратаевском говорах татарского языка. В башкирском литературном языке в значении «табуретка, стул» используется *улытыргыс*, в татарском – *улытыргыч*.

По нашим наблюдениям, большинство финно-угорских заимствований в башкирском и татарском языках представляет собой корневое слово как в

языках-источниках, так и в языке-адресате: башкирское *бәрҙе* / татарское *бәрде* «язык», «пескарь», «хариус» и марийское *pärdäsh* / *пардаш* «язык»; татарское литературное и диалектное башкирское *кинтерә* «оборы (завязки у лаптей)» / *кинтерә* «ону-ча» из марийского *кандыра* / *кәдырә* «веревка, бечевка»; башкирское и татарское «куча, ворох зерна» восходят к марийскому *кышыл* «куча зерна», «тощее зерно», «отруби»; татарское литературное и башкирское диалектное *күтәмә* «малек», «гольян», *күтәмәй* «пескарь» из марийского лугового наречия *котама* «форель», мар.г. *кадама* «пескарь»; идентичные в башкирском и татарском языках *шәшке* «норка» из марийского *шашке* / *шәшкы* «норка». Заимствованные из марийского языка *лупо* «куча хвороста, валежника» употребляется в диалектах башкирского и татарского языков *лапы* «валежник», «бурелом», *лапылык* «участок леса, покрытый валежником», «чаща»; марийское *тырке* «молодая сосна» зафиксировано у сибирских татар *терге*, в красноуфимском говоре татарского языка и северо-западном, восточном диалектах башкирского языка *терке* «молодая сосна, сосенка», для сравнения: в башкирском литературном языке сосна *жарагай*, в татарском – *нарат*. Примечательно и то, что с данной контактема в диалектах башкирского языка употребляется в составе сложносращенного слова *теркулән* «хвощ» и сложносоставного слова *терке күкәйе* «еловые шишки». Так, при заимствовании существенную роль играет и словообразование, поскольку способствует словообразовательной адаптации слова. Поэтому необходимо обратить внимание и на словообразовательные особенности контакта, важно проследить пути их структурного оформления в языке-адресате.

Относительно структурного типа образования заимствованного слова в языке-адресате Ф. А. Ганиев замечает, что к корневым основам относятся не только слова, являющиеся корневыми как в языке-источнике, так и в языке-адресате, но и заимствованные иноязычные суффиксальные и сложные слова (прямые заимствования), ибо данные слова образованы по закономерностям не языка-адресата, а языка-источника [3, с. 23].

В народных наречиях башкирского и татарского языков можно выделить корневое слово, в котором присутствует один финно-угорский компонент: *алабай* «ромашка», т.е. *ала* «пестрый» + *бай*, где последний компонент восходит к марийскому слову *вуй* «голова», «колос», т.е. дословно «пестрая голова».

В говорах башкирского и татарского языков выделяются производные слова, где на основе заимствованного корня при помощи тюркских аффиксов образовались следующие собственно башкирские или татарские дериваты: *алан+нык* «поляна, открытая местность»; *кәр+кеш*, *кәр+кет* «оборы, завязки (у лаптей)»; *лап+ак* «призе-

мистый», *лап+ак* «низкий, низкорослый»; *лап+ал+даш* «низкий»; *лап+ан+таш* «коротконогий»; *лап+ас*, *лап+аш* «низкий»; *лап+та* «широкий, низкий»; *лап+аш+ыу* «становиться более плоским»; *лап+ак* «плоскогорье»; *баси+са* «высший сорт кудели»; на основе заимствованной *ләп* «слабый» образовались следующие дериваты в татарском языке: *ләпишү*, *ләпишәйү* «вянуть, завянуть (о листьях)», «становиться вялым, дряблым (о мускулах)»; *лапырыш* «вялый, неэнергичный», *ләпештәгән* «изнуренный, утомленный», *ләпеш* «неудавшийся (о хлебе)», *ләпишәрәү* «вянуть, стать дряблым (о фруктах, растениях)», *ләпәшү* «растекаться (о хлебе)»; в башкирском языке и его диалектах: *лап + ай* диал. «разваливаться»; *лап+шай*, *ләп+шәй* «рассесться, развалиться», диалектное «растягиваться, разваливаться, растолстеть»; *лап+шы* «быстро устающая (о лошади)», *лап+шай+т* «растянуть (одежду), разносить (обувь)»; *лап+шы* «рыхлеть (о снеге), становиться дряблым (о мускулах)»; диалектное «быстро уставать (по отношению к лошади)».

Как видно, значительная часть контактема, становясь общеупотребительной и литературной, подверглась определённой фонетико-орфоэпической адаптации, которая требует специального исследования.

Н. И. Исанбаев отмечает, что в марийском языке наличествует около трех тысяч лексем, входящих к кыпчакско-тюркским языкам Поволжья. Из них 2335 являются общими для татарского и башкирского языков, примерно полторы тысячи слов имеют в них тождественное звучание и значение, поэтому правильнее было бы рассматривать как татаро-башкирские заимствования, поскольку их преобладающее большинство встречается только в марийских диалектах Башкирии и Татарии, носители которых контактировали не только с татарами, но и с башкирами. Следующие лексемы лингвист считает прямыми заимствованиями из башкирского языка (орфография и условные знаки автора): *агасак* В «жерех» < башк. диал. *агасак*, лит. *агасьянак*; *айманаш* В «смущаться» < башк. *айбану* «опасаться, бояться»; *аса* В бр. «иней» < башк. диал. *аса*; *әләк* В блтч. «очень», *әләк әйвәт* «очень хороший» < башк. *һәләк* «очень», *һәләк әйбәт* «очень хороший»; *әләт* В «резвый», «быстрый (конь)» < башк. диал. *һәләт* «быстрый, скорый»; *әүргәш* В «заботиться, беспокоиться о ком-либо» < башк. *әүрәү* «увлекаться, заниматься чем-л.»; *боршака* – род рисунка из вышивки в виде кривых линий – средн. башк. *бориок* «кривой, косой»; *игат* В «приданое» < башк. *игәт*; *кысланге* В «залезь (земля)» < башк. диал. *Кысланкы*; *пакма* Л, В «вялый, ленивый (конь)» < средн. башк. диал. *бакма* «недотепа»; *пекра кол* «осетр» < башк. *бикрә*, чагат., турк. *бәкрә*; *пысий шинча* В «подслеповатые глаза» < башк. *бысый күз* «больные глаза»; *татыр* «известь» < башк. *татыр* «примесь соли в почве»; *улагыр*, *улаур* В «золотуха» < башк. *ылаур*, *кылаур*; *шәр* В «наледь» < башк. *шәре*; *курай* В «нацио-

нальный музыкальный инструмент башкир из полого стебля растений» < башк. *курай*, тат. *курай* и др. [4, с. 59–60]. По вопросу отграничения татаризмов от слов башкирского, арабо-персидского, монгольского, русского и чувашского происхождения, Н. И. Исанбаев отметил, что, во-первых, при установлении конкретного языка-источника заимствования значительной части кыпчакско-тюркских слов возникают серьезные трудности, которые объясняются исключительно большим сходством татарского и башкирского языков в области лексики, и отчасти этим можно объяснить отсутствие научных работ, посвященных описанию башкирских языковых заимствований в диалектах некоторых финно-угорских языков, распространенных на территории Башкирской АССР; во-вторых, при отграничении башкирских заимствований от татаризмов необходимо строго учитывать и ареал их распространения в марийских диалектах [4, с. 56–59].

В башкирском языке нами выявлено около 20 лексических единиц [7], в татарском языке – 65 слов как заимствований из марийского языка [8–9]. М. Ряснен выделил в чувашском языке более 50 мариизмов, по исследованиям Л. Г. Лукоянова, в чувашском литературном, в верхово-чувашских и других говорах имеется около 300 заимствований. Л. В. Власова только в приуральских говорах чувашского языка выявила 27 марийских заимствований и около 31 лексических общностей [2, с. 174].

Таким образом, марийских заимствований в тюркских языках значительно меньше, чем слов тюркского происхождения в марийском языке. Мариизмов в башкирском языке меньше, чем в татар-

ском и чувашском языках. Как контактемы, в башкирском и татарском языках они не скопированы, а адаптированы на рассмотренных нами лексическом, семантическом, морфемном и словообразовательном уровнях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айдукович Й. Основные понятия лексической контактологии (на мат-ле русизмов в славянских языках) // Тезисы и доклады, II Междунар. конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». М. 2004. С. 445–446.
2. Власова Л. В. Фонетическая и лексическая системы говоров приуральских чувашей Башкортостана. Опыт сравнительно-исторического анализа: монография. Стерлитамак: гос. пед. академия им. Зайнаб Бишевой, 2009. 244 с.
3. Ганиев Ф. Ә. Хәзерге татар әдәби теле: Сүзясалышы. Казан: Мәгариф, 2000. 271 с.
4. Исанбаев Н. И. Марийско-тюркские языковые контакты. Ч. 1 (татарские и башкирские заимствования). Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1989. 176 с.
5. Ишбаев К. Г. Башкирский язык. Морфемика. Словообразование: Учеб. пособие. Уфа: Гилем, 2000. 247 с.
6. Лукоянов Г. В. Марийские заимствования в чувашском языке. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1973. 118 с.
7. Мукимова Н. А. Этимологические и этногенетические основы финно-угорских заимствований в башкирском языке. Стерлитамак, 2015. 143 с.
8. Насипов И. С. Опыт систематизации финно-угорских заимствований в татарском языке. Казань, 2009. 236 с.
9. Насипов И. С. Языковые контакты в Волго-Камье. Марийские заимствования в татарском языке. Стерлитамак: Стерлитамак. гос. пед. академия им. Зайнаб Бишевой, 2009. 228 с.

Поступила в редакцию 24.08.2019 г.

MARISMS AS CONTACT LEXICAL UNITS IN THE BASHKIR AND TATAR LANGUAGES

© I. S. Nasipov^{1*}, A. G. Shaikhulov², N. A. Mukimova³

¹*M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University
3a Oktyabrskoi Revolyutsii Street, 450008 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.*

²*Bashkir State University
32 Zaki Validi Street, 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.*

³*Bashkir State University, Sterlitamak branch
49 Lenin Avenue, 453103 Sterlitamak, Republic of Bashkortostan, Russia.*

Phone: +7 (347) 287 99 91.

**Email: nasipov2004@rambler.ru*

In the framework of the study of the features of linguistic contacts in the Volga-Kama (Volga-Ural) language union, it remains relevant to study the adaptation mechanism of Finno-Ugric contacts. The authors of the article discuss some aspects of the lexical adaptation of marisms in the Bashkir and Tatar languages. The nature of the Bashkir-Finno-Ugric and Tatar-Finno-Ugric contacts is defined as inter-dialectic, because in the dialects the semantic identity of the borrowings and the words in the source language is observed with insignificant phonetic-orthoepic divergences. Most Finno-Ugric borrowings in recipients are the root word both in the source and in the target languages. In the folk dialects of the Bashkir and Tatar languages, one can distinguish the root word in which one Finno-Ugric component. For example: alabai “chamomile”, ala “motley” + bai, where the last component goes back to the Mari word vuy “head”, “ear”, i.e. literally “motley head”. In the Bashkir and Tatar languages, there are lexical units that indicate the word-formative adaptation of marisms. Derivative words are distinguished in the dialects of recipient languages, where on the basis of a borrowed root with the help of Turkic affixes the following Bashkir or Tatar derivatives were formed: аланнык “glade, open area” and others. Thus, the study revealed that lexemes borrowed from the Mari language into the Bashkir and Tatar languages are not copied, but adapted at the lexical-semantic, morphemic, and word-formative levels. This is an indicator of ancient and long contacts of Turkic and Finno-Ugric peoples in the Urals and Volga region.

Keywords: Bashkir language, Tatar language, Mari language, borrowing, contact lexical unit, adaptation.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Aidukovich I. Tezisy i doklady, II Mezhdunar. kongress issledovatelei russkogo yazyka «Russkii yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'». M. 2004. Pp. 445–446.
2. Vlasova L. V. Foneticheskaya i leksicheskaya sistemy govorov priural'skikh chuvashei Bashkortostana. Opyt sravnitel'no-istoricheskogo analiza: monografiya. Sterlitamak: Sterlitamak. gos. ped. akademiya im. Zainab Biishevoi, 2009.
3. Ganiev F. Ə. Khəzerge tatar ədəbi tele: Syz'yasalyshy. Kazan: Məgarif, 2000.
4. Isanbaev N. I. Mariisko-tyurkskie yazykovye kontakty. Pt. 1 (tatarskie i bashkirskie zaimstvovaniya) [Mari-Turkic language contacts. Pt. 1 (Tatar and Bashkir borrowings)]. Ioshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izd-vo, 1989.
5. Ishbaev K. G. Bashkirskii yazyk. Morfemika. Slovoobrazovanie: Ucheb. posobie [Bashkir language. Morphemics. Word formation: Textbook]. Ufa: Gilem, 2000.
6. Lukoyanov G. V. Mariiskie zaimstvovaniya v chuvashskom yazyke [Mari borrowings in the Chuvash language]. Cheboksary: Chuvashknigoizdat, 1973.
7. Mukimova N. A. Etimologicheskie i etnogeneticheskie osnovy finno-ugorskikh zaimstvovaniy v bashkirskom yazyke [Etymological and ethnogenetic stems of Finno-Ugric borrowings in the Bashkir language]. Sterlitamak, 2015.
8. Nasipov I. S. Opyt sistematizatsii finno-ugorskikh zaimstvovaniy v tatarskom yazyke [The experience of systematization of Finno-Ugric borrowings in the Tatar language]. Kazan, 2009.
9. Nasipov I. S. Yazykovye kontakty v Volgo-Kam'e. Mariiskie zaimstvovaniya v tatarskom yazyke [Language contacts in the Volga-Kama region. Mari borrowings in the Tatar language]. Sterlitamak: Sterlitamak. gos. ped. akademiya im. Zainab Biishevoi, 2009.

Received 24.08.2019.